

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
20 November 2017
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации в
отношении женщин****Мнения в отношении сообщения № 91/2015, принятые
Комитетом в соответствии со статьей 7 (4)
Факультативного протокола^{*,**}**

<i>Сообщение представлено:</i>	О.Г. (интересы которой представляет адвокат Валентина Фролова)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Российская Федерация
<i>Дата сообщения:</i>	1 марта 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	препроведена государству-участнику 20 июля 2015 года; текст на русском языке представлен дополнительно 9 декабря 2015 года (в виде документа не издавался)
<i>Дата принятия мнений:</i>	6 ноября 2017 года

1. Автором сообщения является О.Г., гражданка Российской Федерации, 1985 года рождения. Она утверждает, что является жертвой нарушения Российской Федерацией ее прав, предусмотренных статьями 1, 2 (b)–(g), которые рассматриваются в совокупности с общей рекомендацией № 19 (1992) Комитета, касающейся насилия в отношении женщин, и общей рекомендацией № 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по ста-

* Приняты Комитетом на его шестьдесят восьмой сессии (23 октября — 17 ноября 2017 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Глэдис Акоста Варгас, Николь Амелин, Магалис Ароча Домингес, Гуннар Бергбю, Марион Бетель, Луиза Шалал, Хилари Гбедема, Нахла Хайдар, Йоко Хаяши, Лилиан Хофмайстер, Исмаг Джахан, Даля Лейнарте, Росарио Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Патриция Шульц, Вэньянь Сун и Аиша Валь Верж.

тье 2 Конвенции, и статьями 3 и 5(а) Конвенции. Государство-участник ратифицировало Конвенцию и Факультативный протокол к ней соответственно 23 января 1981 года и 28 июля 2004 года. Интересы автора сообщения представляет адвокат.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 В период с 2008 по 2010 год автор сообщения находилась в гражданском союзе с К. В течение этого времени К. предположительно употреблял психоактивные вещества и алкоголь и наносил автору сообщения оскорбления. Он страдал также от пристрастия к азартным играм. По этим причинам автор сообщения ушла от него. В конце 2010 года она стала жить с другим партнером. Тем не менее К. продолжал звонить автору сообщения, требовал, чтобы их отношения продолжались, направлял текстовые сообщения непристойного содержания, приходил в дом, где она проживала, и настаивал на том, чтобы его впустили в ее квартиру. Из-за психологического давления и навязчивых пристрастий К. автор сообщения перестала с ним общаться.

2.2 4 декабря 2011 года около 7 часов вечера К. пришел в дом, где жила автор сообщения, и потребовал, чтобы она впустила его. Когда она отказалась, он ударил ее по лицу в присутствии ее сына и ее партнера. После этого он выбежал и разбил ее окно камнем.

2.3 20 декабря 2011 года автор сообщения обратилась в Кризисный центр помощи женщинам, неправительственную организацию в Санкт-Петербурге, чтобы сообщить о произошедшем. Ей была предложена юридическая помощь. 21 февраля 2013 года в Судебном участке № 1 Адмиралтейского района К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 116 (1) Уголовного кодекса (побои), и приговорен к четырем месяцам исправительных работ с удержанием 5 процентов его заработной платы в доход государства. В соответствии со статьей 73 Уголовного кодекса назначенное ему наказание было признано условным с установлением шестимесячного испытательного срока¹. Он был приговорен также к выплате автору сообщения компенсации за причиненный ей моральный ущерб в размере 3000 рублей (примерно 50 долл. США).

2.4 23 февраля 2013 года К. неоднократно направлял автору текстовые сообщения с оскорблениями и угрозами, что он поймает ее и убьет ее и ее партнера. 24 февраля 2013 года автор сообщения обратилась в местный полицейский участок с ходатайством о возбуждении уголовного дела. 7 марта 2013 года сотрудник полиции, отвечавший за рассмотрение этого ходатайства, вынес официальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела на том основании, что он не смог допросить К., потому что последний не явился в полицейский участок, и, поскольку тот не подкрепляет свои угрозы действием, жизнь автора сообщения находится вне опасности.

2.5 20 мая 2013 года К. направил автору еще одно текстовое сообщение, в котором сказал ей «быстрее иди домой — я жду тебя у двери». Она сразу же позвонила в полицию и сообщила об угрозе. Тем не менее спустя 10 минут из по-

¹ Статья 73 Уголовного кодекса гласит, что, «если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. Условное осуждение не назначается осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста».

лиции позвонили и сказали, что они поговорили с К. по телефону и что он обещал оставить ее в покое. Примерно через 90 минут автор получила от К. еще одно текстовое сообщение оскорбительного содержания.

2.6 21 мая 2013 года автор обратилась в полицию с письменной жалобой на текстовые сообщения от 20 мая 2013 года и просила полицию провести уголовное расследование. 30 мая 2013 года тот же сотрудник полиции, которому было поручено рассмотреть ходатайство от 24 февраля 2013 года, вынес официальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела на том же основании, что и ранее.

2.7 2 марта 2013 года автор сообщения подала апелляцию на решение мирового суда от 21 февраля 2013 года на том основании, что приговор является слишком мягким, и просила о выплате более высокой компенсации. 20 июня 2013 года автор сообщения обратилась в тот же суд с ходатайством о принятии мер защиты от К. 11 июля 2013 года ее апелляция и ходатайство были отклонены.

2.8 26 августа 2013 года автор сообщения вновь просила полицию возбудить против К. уголовное дело в связи с его угрозами смертельной расправы, но безуспешно. В целом полиция семь раз выносила решения об отказе в возбуждении уголовного дела против К. на том же основании, что они не могут допросить его, потому что он не является в полицейский участок, и, поскольку он не подкрепляет свои угрозы действием, жизнь автора сообщения находится вне опасности. Эти решения были подписаны одним и тем же сотрудником полиции.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что Российская Федерация не в полной мере выполняет положения Конвенции и, в частности, не принимает современное и всеобъемлющее законодательство по вопросам семейно-бытового насилия в соответствии с нормами международного права, «вводимыми в действие государственными субъектами, которые осознают и соблюдают обязательства по проявлению должной осмотрительности». Она заявляет, что в национальном законодательстве нет какого-либо определения семейно-бытового насилия. Не все проявления семейно-бытового насилия могут преследоваться по Уголовному кодексу или даже по Кодексу об административных правонарушениях. Жертвы семейно-бытового насилия не могут просить о предоставлении мер защиты. В этой связи автор сообщения заявляет, что, не отражая проблему семейно-бытового насилия в своем законодательстве, государство-участник нарушает ее права, предусмотренные статьями 1 и 2(b), (c), (e) и (f) Конвенции, которые рассматриваются в свете общей рекомендации № 19.

3.2 Автор сообщения заявляет также, что государство-участник неадекватно реагирует на новые угрозы насилия в отношении ее и не проявляет желания оперативно рассматривать ее многочисленные жалобы. Кроме того, государство-участник не принимает специальные меры, такие как выдача защитных предписаний, для обеспечения ее личной безопасности. Автор сообщения заявляет далее, что общие меры государственной защиты в уголовном судопроизводстве не рассчитаны на то, чтобы обеспечивать защиту жертв семейно-бытового насилия. В связи с этим она утверждает, что государство-участник нарушает позитивные обязательства, возлагаемые на него в соответствии со статьями 1 и 2 (b)–(g) Конвенции, которые рассматриваются в свете общих рекомендаций № 19 и № 28.

3.3 Автор сообщения утверждает далее, что при рассмотрении ее настоячивых просьб о защите от семейно-бытового насилия должностные лица руководствуются стереотипными представлениями о таком насилии и о том, насколько

опасно оно для тех, кто становится его жертвой. Из-за неверных представлений о том, что семейно-бытовое насилие не носит серьезного характера и не является «реальной» угрозой для жизни женщины, ее безопасности или физической или психической неприкосновенности, органы власти продолжают совершенно пассивно реагировать на жалобы автора, что равнозначно нарушению ее прав, предусмотренных положениями статьи 5(a) Конвенции, которые рассматриваются в свете общих рекомендаций № 19 и № 28.

3.4 Автор сообщения отмечает, что она неоднократно обращалась с жалобами в полицию и что единственная мера реагирования состояла в том, чтобы подвергнуть ее допросу. Полиция отказала в возбуждении уголовного дела, даже не допросив предполагаемого правонарушителя и не предприняв каких-либо других мер. Несмотря на то, что все постановления об отказе были впоследствии отменены районной прокуратурой и возвращены для проведения дополнительной проверки, полиция по-прежнему отказывается проводить какое-либо реальное расследование. Автор сообщения отмечает также, что любые попытки подвергнуть К. судебному преследованию после февраля 2015 года были недействительными по причине истечения двухлетнего срока исковой давности. Таким образом, отказ органов власти провести эффективное и оперативное расследование давних угроз в отношении автора сообщения и привлечь виновного к ответственности, а также изучить вопрос о распространении стереотипных представлений о семейно-бытовом насилии является нарушением статей 2(b)–(f) Конвенции, которые рассматриваются в свете общих рекомендаций № 19 и № 28.

3.5 Автор сообщения утверждает, что полиция никогда по-настоящему не расследовала ее жалобы и что, хотя решение полиции об отказе проводить уголовное расследование было отменено районной прокуратурой и районным судом, это пока не привело к проведению какого-либо реального расследования ее жалоб. Таким образом, она была лишена доступа к каким-либо эффективным средствам правовой защиты и, как следствие, любой компенсации и реабилитации, и это нарушает статьи 2(b) и (e) Конвенции.

3.6 Автор сообщения заявляет также, что органы власти не оказали К. никакой психологической помощи, чтобы предотвратить новые акты насилия с его стороны. В настоящее время законодательство и практика его применения не предусматривают осуществление программ реабилитации для лиц, совершивших акты семейно-бытового насилия, или обязательное посещение психолога или психотерапевта, и это нарушает статьи 2(b), (e) и (f) Конвенции, которые рассматриваются в свете общей рекомендации № 19.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 29 апреля 2016 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. В них упоминается, что автор сообщения жила с К. и их ребенком в период с 2008 по 2010 год. В начале 2010 года по инициативе автора сообщения их отношения прекратились. Тем не менее К. стремился восстановить отношения, что привело к конфликту. 21 февраля 2013 года в Судебном участке № 1 Адмиралтейского района на основании поданной автором сообщения в частном порядке жалобы в суд К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 116 (1) Уголовного кодекса (побои), и приговорен к четырем месяцам исправительных работ с удержанием 5 процентов его заработной платы в доход государства и с установлением шестимесячного испытательного срока. Кроме того, К. выплатил автору сообщения 3000 рублей в качестве компенсации за моральный ущерб.

Государство-участник утверждает, что автор сообщения не подавала в правоохранительные органы жалобы о каких-либо других актах физического насилия со стороны К.

4.2 1 марта 2013 года автор сообщения подала апелляцию в Октябрьский районный суд на решение мирового суда от 21 февраля 2013 года на том основании, что приговор является слишком мягким, и просила о выплате более высокой компенсации за моральный ущерб. 11 июля 2013 года эта апелляция была отклонена, поскольку суд счел, что мера наказания соразмерна совершенному правонарушению и приговор не является слишком мягким.

4.3 Кроме того, в рамках процесса обжалования автор сообщения ходатайствовала о принятии мер защиты в соответствии с законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». 11 июля 2013 года Октябрьский районный суд отклонил ее ходатайство на том основании, что отсутствуют какие-либо объективные данные, свидетельствующие о наличии реальной угрозы для жизни и здоровья автора сообщения или ее родственников.

4.4 Ни автор сообщения, ни ее адвокат не подавали кассационную жалобу в Верховный суд на решение суда низшей инстанции от 21 февраля 2013 года или решение апелляционного суда от 11 июля 2013 года.

4.5 Государство-участник отмечает, что неудовлетворенность автора сообщения результатами судебных разбирательств еще не свидетельствует о нарушении Конвенции. Решения судов основываются на национальном законодательстве и не противоречат международному праву. В этой связи жалоба автора сообщения может рассматриваться как злоупотребление правом на справедливое судебное разбирательство.

4.6 Государство-участник считает, что автор сообщения не исчерпала всех имеющихся внутренних средств правовой защиты до обращения в Комитет, и поэтому полагает, что ее жалоба должна быть признана неприемлемой по смыслу статьи 4 (2) (b) Факультативного протокола.

4.7 23 февраля 2013 года в полицейском участке № 1 в Санкт-Петербурге была зарегистрирована жалоба автора о том, что К. звонил ей и посылал текстовые сообщения с угрозами смертельной расправы и физического насилия. Эти утверждения были расследованы в соответствии со статьей 119 Уголовного кодекса², и 7 марта 2013 года органы власти вынесли решение не преследовать К. в судебном порядке в связи с отсутствием состава преступления. Автор сообщения была надлежащим образом уведомлена об этом решении и о своем праве обжаловать его.

4.8 Государство-участник отмечает также жалобу автора сообщения на отказ полиции от 7 марта 2013 года в возбуждении уголовного дела против К.³ и заявляет, что это решение неоднократно возвращалось районной прокуратурой как незаконное и необоснованное на доследование. Последнее такое процессуальное решение было принято 20 марта 2016 года и направлено надзирающему прокурору для аннулирования постановления об отказе в связи с неполнотой расследования. В настоящее время полицией проводится внутреннее расследование

² Статья 119 Уголовного кодекса гласит, что «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, — наказывается обязательными работами на срок до 480 часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет».

³ Первоначальная жалоба автора сообщения с просьбой к полиции возбудить уголовное дело против К. была подана 24 февраля 2013 года.

в связи с неспособностью принять требуемые районной прокуратурой меры и расследовать жалобы автора сообщения в надлежащие сроки. Государство-участник утверждает, что в соответствии с имеющимися в деле данными последний и единственный эпизод телефонных угроз со стороны К. против автора сообщения датируется 24 февраля 2013 года.

4.9 Что касается существа дела, то государство-участник заявляет, что автор сообщения не обосновала в достаточной степени свою жалобу. Государство-участник отмечает также, что, несмотря на отсутствие в российском законодательстве термина «семейно-бытовое насилие», его смысл, в зависимости от обстоятельств дела, может быть квалифицирован как истязание (статья 117 Уголовного кодекса), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 Уголовного кодекса) или оскорбление (статья 5.61 Кодекса об административных правонарушениях). Кроме того, совершение преступления с применением физического или психического принуждения рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства (статья 63 (1) (к) Уголовного кодекса).

4.10 Государство-участник заявляет, что автор сообщения не обосновала свое утверждение о том, что оно не обеспечивает равную защиту прав женщин и мужчин, не обеспечивает с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против актов дискриминации и не принимает меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин.

4.11 Статья 19 Конституции гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола и равенство всех перед законом и судом. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Доступ автора сообщения к правосудию не был ограничен, и она имела доступ к эффективным средствам правовой защиты, которыми она воспользовалась. В результате К. был признан виновным в нанесении побоев без причинения телесных повреждений ее здоровью и был приговорен к четырем месяцам исправительных работ и выплате компенсации за причиненный ей моральный ущерб. Этот приговор полностью соответствует тяжести совершенного преступления.

4.12 Государство-участник считает также, что жалоба автора сообщения не содержит аргументы, свидетельствующие о том, что закон, предусматривающий уголовную ответственность за совершенные К. действия, носит дискриминационный характер. Кроме того, автор сообщения не представила доказательств того, что действия К. были мотивированы тем фактом, что автор является женщиной, или направлены на ее дискриминацию по признаку ее половой принадлежности.

4.13 И наконец, государство-участник полагает, что, поскольку К. не являлся членом ее семьи в момент предполагаемого акта насилия, так как в 2010 году автор сообщения стала жить с другим мужчиной, заявление автора о том, что она стала жертвой семейно-бытового насилия, также является необоснованным.

Комментарии автора сообщения по поводу замечаний государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих комментариях от 22 июля 2016 года автор сообщения оспаривает утверждение государства-участника о том, что она не исчерпала все внутренние средства правовой защиты. Она утверждает, что она исчерпала все эффективные средства правовой защиты в отношении всех нарушений, упомянутых в ее жалобе в связи с отсутствием реакции государства-участника на постоянный стал-

кинг (преследование), которому она подвергалась со стороны ее бывшего партнера, включая непрестанные звонки и текстовые сообщения, оскорбления, угрозы и физический stalking (преследование).

5.2 Что касается апелляции в Октябрьский районный суд на решение от 11 июля 2013 года об отказе в предоставлении ей мер защиты, то автор сообщения утверждает, что подобная апелляция была бы неэффективной, поскольку такие меры не предназначены для защиты жертв семейно-бытового насилия. Автору сообщения и ее адвокату не известно о случаях, когда такие меры предоставлялись потерпевшим по уголовным делам, возбужденным по частному обвинению, которые считаются менее тяжкими. Она утверждает далее, что закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» является дискриминационным по своему характеру и не может рассматриваться в качестве эффективного и экстренного средства правовой защиты жертв семейно-бытового насилия, поскольку бремя доказывания наличия прямой и реальной угрозы жизни и здоровью при отсутствии обоснованного сомнения возлагается исключительно на потерпевшего, который выступает в качестве частного обвинителя по уголовному делу. Кроме того, такие меры защиты могут быть эффективными только в том случае, если они применяются незамедлительно. В случае с автором сообщения ее ходатайство о принятии защитных мер было рассмотрено через 22 дня после его представления, что в семь раз дольше срока, предусмотренного законом⁴.

5.3 Автор сообщения отмечает, что она неоднократно обращалась в районный суд и к районному прокурору с жалобами по поводу бездействия органов полиции и их решений, вынесенных в ходе предварительного рассмотрения после представления ею жалоб на stalking (преследование). Решения полиции не возбуждать уголовное дело против К. были признаны районным судом и районной прокуратурой противоправными, однако для автора сообщения это не привело к положительным результатам. Автор сообщения отмечает далее, что три года спустя после произошедших событий органы власти все еще не провели необходимого расследования акта семейно-бытового насилия, не привлекли виновного к ответственности и не предоставили ей защиту от stalking (преследования), а также не предоставили ей компенсацию за ущерб, причиненный в результате психологического стресса, связанного с неоднократными угрозами насилия в отношении ее со стороны К.

5.4 Автор сообщения считает, что применение внутренних средств правовой защиты, на которые ссылается государство-участник (см. пункт 4.8 выше), является неоправданно затянутым и вряд ли принесет искомый результат по смыслу статьи 4 (1) Факультативного протокола. В период с февраля по август 2013 года автор сообщения подала в полицию несколько ходатайств о возбуждении уголовного дела по поводу угроз и stalking (преследования) и небезосновательно ожидала, что полиция проведет в связи с ними необходимое расследование. Автор сообщения считает, что с учетом ее настойчивых попыток подавать ходатайства в национальные органы власти предложение продолжать ее усилия, используя неэффективные средства правовой защиты, в то время как органы власти продолжают проявлять полную пассивность, возлагает на нее как жертву дискриминации по признаку пола чрезмерное бремя. В связи с этим автор сообщения считает, что она является жертвой дискриминации по признаку пола по смыслу статьи 1 Конвенции, которая рассматривается в свете общих рекомендаций № 19 и № 28, и что ее жалоба является приемлемой.

⁴ См. статью 18 (2) закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

5.5 Автор сообщения утверждает далее, что государство-участник не реагировало на постоянное преследование, которому она подвергалась со стороны ее бывшего партнера, включая угрозы, непрерывные звонки и текстовые сообщения, оскорбления и физическое преследование. Она оспаривает утверждение государства-участника о том, что последний и единственный документально подтвержденный эпизод телефонных угроз датируется 24 февраля 2013 года. В своих жалобах в полицию автор сообщения указывала количество и содержание тех угроз, которые она получала от К. в период с 21 февраля по 25 мая 2013 года. Она полагала, что характер и содержание этих звонков и текстовых сообщений являются достаточно серьезными, и поэтому неоднократно обращалась в полицию с просьбой обеспечить ее безопасность. Автор сообщения утверждает, что даже одной жалобы по поводу одного эпизода угроз должно быть достаточно для принятия полицией мер с целью защитить ее от опасных действий со стороны ее бывшего партнера, который ранее был признан виновным в совершении в отношении нее акта физического насилия.

5.6 Автор сообщения ссылается далее на «системные недостатки» в законодательстве государства-участника и на отсутствие определения терминов «семейно-бытовое насилие» и «сталкинг (преследование)». Она считает, что отсутствие таких законодательных норм приводит к необходимости применять общие положения уголовного права, на которые ссылается в своем заявлении государство-участник. По мнению автора, обстоятельства ее дела и сообщения неправительственных организаций свидетельствуют о том, что общие положения уголовного права не могут обеспечить принятие своевременных и эффективных мер реагирования на проблему семейно-бытового насилия⁵.

5.7 Автор сообщения отмечает далее, что органы власти квалифицировали действия К. как угрозу смертельной расправы. Эта классификация охватывает лишь часть противоправных и нежелательных действий в отношении нее со стороны К. Однако даже в этом случае, руководствуясь дискриминационными и стереотипными представлениями о том, что является «реальной» угрозой смертельной расправы и в какой мере действия К. представляют опасность для автора сообщения, органы власти отказались возбуждать уголовное дело, в результате чего в отношении этого конкретного правонарушения истек срок исковой давности. Таким образом, органы власти проигнорировали ситуацию сталкинга (преследования) и не приняли во внимание опасный характер насилия и его последствия для жизни автора сообщения.

5.8 Автор сообщения обращает внимание на позитивное обязательство государства-участника обеспечивать защиту от семейно-бытового насилия всем женщинам независимо от типа семьи, в которой они предпочитают жить. Ответственность государства-участника за выполнение своих обязательств не зависит от семейного положения женщины. В соответствии с Конвенцией Совета Европы о предотвращении и пресечении насилия в отношении женщин и семейно-бытового насилия (Стамбульская конвенция) «под семейно-бытовым насилием понимаются любые акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту либо между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва» (статья 3(b)). Как следует из дела автора сообщения, семейные отношения между автором и К. продолжались на протяжении нескольких лет. На момент

⁵ Автор сообщения ссылается на подготовленный Национальным центром по предотвращению насилия «АННА» доклад, озаглавленный «Насилие в отношении женщин в Российской Федерации», который был представлен Комитету на его сорок шестой сессии.

произошедших событий К. являлся бывшим партнером автора и насилие, которое он совершил в отношении ее, было непосредственно связано с характером отношений, которые существовали между ними ранее. В связи с этим автор сообщения считает неуместными аргументы государства-участника относительно того, что она не могла быть жертвой семейно-бытового насилия, поскольку К. не являлся членом ее семьи, когда он совершал в отношении нее насилие.

5.9 Автор сообщения подчеркивает опасность такого узкого определения семейно-бытового насилия, которое приводит к невозможности обеспечить защиту большого числа женщин. Недавние поправки к уголовному законодательству (статья 116 Уголовного кодекса) ограничивают уголовную ответственность за избиение «близких лиц», в число которых входят муж или жена виновного и те, кто ведет совместное домохозяйство. Таким образом, женщины, которые по тем или иным причинам предпочитают не вступать в брак со своими партнерами и не проживают с ними, остаются без защиты.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

6.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. Руководствуясь правилом 66, Комитет может принять решение рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения наряду с рассмотрением его по существу. В соответствии с положениями статьи 4 (2) (а) Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что тот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

6.2 Комитет напоминает о том, что в соответствии со статьей 4 (1) Факультативного протокола он не рассматривает сообщение, пока не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны либо применение таких средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат⁶. В этой связи Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что в соответствии с этим положением данное сообщение должно быть признано неприемлемым, поскольку его автор не подавала кассационную жалобу в Верховный суд на решение суда низшей инстанции от 21 февраля 2013 года или решение апелляционного суда от 11 июля 2013 года. Кроме того, государство-участник утверждает, что жалоба автора на решение полиции от 7 марта 2013 года об отказе в возбуждении уголовного дела против К. неоднократно возвращалась районной прокуратурой на рассмотрение в связи с преждевременностью и необоснованностью этого решения. Комитет принимает к сведению также заявление государства-участника о том, что полицией начато внутреннее расследование в связи с неспособностью принять требуемые районной прокуратурой меры и расследовать жалобы автора сообщения в надлежащие сроки. Вместе с тем Комитет отмечает заявление автора сообщения о том, что она неоднократно обращалась в районный суд и к районному прокурору с жалобами по поводу бездействия органов полиции и их отказа в возбуждении уголовного дела и что три года спустя после получения ее жалоб полиция все еще не начала никакого расследования.

6.3 Комитет отмечает далее, что автор сообщения подала 20 и 21 мая 2013 года новые жалобы в связи с дальнейшими угрозами со стороны К., что вновь при-

⁶ См. *E.S. and S.C. v. United Republic of Tanzania* (CEDAW/C/60/D/48/2013), пара. 6.3, и *L.R. v. Republic of Moldova* (CEDAW/C/66/D/58/2013), пара. 12.2.

вело к отказу того же сотрудника полиции в возбуждении уголовного дела. Комитет отмечает также, что после того, как решение сотрудника полиции не расследовать поступившую жалобу было отменено районной прокуратурой и районным судом, расследование так и не было начато. Комитет отмечает также, что в период с сентября 2013 года по декабрь 2014 года районная прокуратура пять раз выносила постановления о том, что материалы дела должны быть возвращены для проведения дополнительной проверки и что предполагаемого правонарушителя необходимо допросить по поводу угроз смертельной расправы, отправленных автору сообщения 23 и 24 февраля 2013 года. Кроме того, 3 июня 2013 года районный суд также установил, что отказ сотрудника полиции расследовать поступившую жалобу является незаконным и необоснованным, и постановил провести дополнительную проверку. Вместе с тем Комитет отмечает, что каждый раз ответственный за это сотрудник полиции оказывался неспособным найти и допросить предполагаемого правонарушителя и отказывался расследовать поступившую жалобу и что, соответственно, никакие конкретные меры по защите автора сообщения от полученных ею угроз не принимались.

6.4 Комитет далее принимает к сведению заявление автора сообщения о том, что исковая давность в отношении наказания за угрозы смертельной расправы ограничивается двухлетним сроком с момента получения таких угроз. Таким образом, срок исковой давности в отношении событий, о которых идет речь, истек в феврале 2015 года, и по этой причине любые попытки привлечь виновного к ответственности по истечении упомянутого срока являются недействительными.

6.5 В заключение Комитет отмечает, что государство-участник не объясняет, каким образом внутренние средства правовой защиты были бы эффективными в обеспечении соблюдения прав автора сообщения, учитывая то неизменное обстоятельство, что никакие дополнительные меры по защите этих прав не принимаются. В этой связи Комитет приходит к выводу о том, что в данном случае применение внутренних средств правовой защиты, на которые ссылается государство-участник, вряд ли принесло бы искомый результат. Следовательно, положения статьи 4 (1) Факультативного протокола не препятствуют в рассмотрении Комитетом настоящего сообщения, поскольку оно поднимает вопросы, касающиеся статей 1, 2(b)–(g), 3 и 5 (a) Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему автором и государством-участником, как это предусмотрено статьей 7 (1) Факультативного протокола.

7.2 Что касается заявления автора сообщения о том, что органы власти принимали решения на основании гендерных стереотипов в нарушение статьи 5 Конвенции, то Комитет вновь подтверждает, что Конвенция возлагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, нарушающие положения Конвенции⁷. Комитет подчеркивает также, что полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принять меры с целью ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и изменить и трансформировать гендерные стереотипы и ликвидировать ошибочные

⁷ См. *V.K. v. Bulgaria* (CEDAW/C/49/D/20/2008), para. 9.11, и *L.R. v. Republic of Moldova*, para. 13.6.

гендерные стереотипные представления — коренную причину и следствие дискриминации в отношении женщин⁸. Гендерные стереотипы закрепляются с помощью различных средств и институтов, включая законы и правовые системы, и могут закрепляться как государственными субъектами во всех ветвях и на всех уровнях власти, так и частными субъектами⁹.

7.3 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 6 его общей рекомендации № 19 дискриминация по смыслу статьи 1 Конвенции включает в себя насилие в отношении женщин по признаку пола. Такая дискриминация не ограничивается действиями, которые совершаются государствами-участниками или от их имени. Напротив, в соответствии со статьей 2(е) Конвенции государства-участники могут также нести ответственность за действия частных лиц, если они не проявляют должной осмотрительности для предотвращения нарушения прав или для расследования актов насилия и наказания за них, а также за предоставление компенсации (см. пункт 9(а) ниже). Это подтверждается Комитетом в пункте 24 его общей рекомендации № 35 (2017) по вопросу о насилии в отношении женщин по признаку пола, принятой в порядке обновления общей рекомендации № 19, и в его юридической практике¹⁰.

7.4 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что, поскольку на момент предполагаемого насилия К. не являлся членом семьи автора сообщения, ее утверждение о том, что она стала жертвой семейно-бытового насилия, является необоснованным. Комитет полагает, что, если насилие в отношении бывшего супруга или партнера связано с тем, что это лицо ранее находилось с правонарушителем в отношениях, как это имеет место в настоящем случае, то время, прошедшее с момента прекращения отношений, не имеет значения, как и тот факт, живут ли вместе лица, о которых идет речь. Комитет напоминает также о том, что в соответствии со Стамбульской конвенцией под семейно-бытовым насилием понимаются «любые акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту либо между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва» (статья 3(b)). Конвенция не предусматривает узаконенного ограничения сроков относительно того, на протяжении какого времени после прекращения отношений супруг или партнер может утверждать, что насилие со стороны бывшего партнера подпадает под определение «семейно-бытового» насилия. В связи с этим Комитет считает, что действия К. по отношению к автору сообщения подпадают под определение семейно-бытового насилия.

7.5 Комитет напоминает также о том, что в соответствии со статьями 2(а), (с), (d) и (е) и 5(а) Конвенции государство-участник обязано изменить или отменить не только действующие законы и положения, но и обычаи и практику, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. В этой связи Комитет подчеркивает, что применение стереотипов затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство и что судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является семейно-бытовым или гендерным насилием, как отмечается в общей рекомендации № 33 (2015) по вопросу о доступе женщин к правосудию¹¹.

⁸ См. *Belousova v. Kazakhstan* (CEDAW/C/61/D/45/2012), para. 10.10.

⁹ См. *R.K.B. v. Turkey* (CEDAW/C/51/D/28/2010), para. 8.8.

¹⁰ См. также *Goekce v. Austria* (CEDAW/C/39/D/5/2005) и *Yildirim v. Austria* (CEDAW/C/39/D/6/2005).

¹¹ См. также *L.R. v. Republic of Moldova*, para. 13.6.

7.6 В данном случае соблюдение государством-участником своих обязательств по искоренению гендерных стереотипов в соответствии со статьями 2(a), (c), (d) и (e) и 5(a) Конвенции необходимо оценивать исходя из того, в какой мере в ходе судебного разбирательства по делу автора сообщения учитывались гендерные аспекты. В этой связи Комитет отмечает, что для вынесения постановления в отношении ходатайства автора сообщения о том, чтобы ей были предоставлены меры защиты, районному суду потребовалось 22 дня вместо 3, предусмотренных законом. Комитет с обеспокоенностью отмечает также, что в период с февраля по август 2013 года автор сообщения обращалась в полицию с официальными жалобами четыре раза и что все ее жалобы закончились отказом в возбуждении уголовного дела, несмотря на прямое постановление районной прокуратуры и районного суда допросить К. и осуществить все другие необходимые следственные процедуры. Для защиты автора сообщения от насилия со стороны ее бывшего партнера органы власти не приняли никаких других мер, и по прошествии более чем трех лет после событий, о которых идет речь, органы власти все еще даже не подвергли К. допросу. Когда суд в конечном итоге вынес постановление в отношении упомянутого ходатайства, в качестве основания для отказа в предоставлении мер защиты он сослался на отказ полиции возбудить уголовное дело против К. и на отсутствие «реальной угрозы», хотя за месяц до этого тот же суд признал этот же отказ незаконным и необоснованным. Комитет отмечает, что ни один из этих фактов государством-участником не оспаривается и что в целом они указывают на то, что, не расследовав жалобу автора сообщения по поводу угроз смертельной расправы и угроз насилия оперативным, надлежащим и эффективным образом и не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, органы власти допустили, чтобы на ход их рассуждений при принятии решений влияли стереотипные представления. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что органы власти государства-участника не приняли своевременных и адекватных мер и не защитили автора сообщения от насилия и запугивания в нарушение своих обязательств, предусмотренных Конвенцией.

7.7 Комитет далее принимает к сведению заявление автора сообщения о том, что на сегодняшний день в законодательстве государства-участника нет какого-либо определения семейно-бытового насилия и не предусмотрены эффективные меры правовой защиты от такого насилия. В этой связи Комитет напоминает о том, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государства-участники «принимают во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами». Комитет напоминает также о своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника, в которых он рекомендовал государству-участнику в срочном порядке принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая семейно-бытовое насилие; предусмотреть преследование *ex officio* за семейно-бытовое и сексуальное насилие; гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты; и обеспечить привлечение виновных лиц к судебной ответственности и наказание их надлежащим образом (CEDAW/C/RUS/CO/8). По мнению Комитета, тот факт, что жертве семейно-бытового насилия приходится выдвигать обвинение в частном порядке, в соответствии с которым бремя доказывания возлагается полностью на нее, лишает жертву доступа к правосудию, как это было отмечено в пункте 15(g) его общей рекомендации № 33. Комитет отмечает, что недавние поправки к национальному законодательству (статья 116 Уголовного кодекса), которые отменяют уголовную ответственность за нанесение побоев и в соответствии с которыми

по многим делам о семейно-бытовом насилии возбуждается преследование в судебном порядке из-за отсутствия в российском законодательстве определения «семейно-бытового насилия»¹², идут в неверном направлении и ведут к безнаказанности тех, кто совершает эти акты семейно-бытового насилия.

7.8 Комитет считает, что невнесение государством-участником поправок в свои законодательные акты, касающиеся семейно-бытового насилия, непосредственно повлияло на возможность для автора сообщения требовать правосудия и получить доступ к эффективным средствам правовой защиты и мерам защиты. Он считает также, что данное дело свидетельствует о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство принять все соответствующие меры с целью изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин.

7.9 В свете вышеизложенного Комитет считает, что порядок рассмотрения дела автора сообщения полицией, прокуратурой и судебными органами государства-участника нарушает ее права, предусмотренные статьями 1, 2(a), (c), (d) и (e), 3 и 5(a) Конвенции. В частности, Комитет отмечает, что автор сообщения понесла моральный ущерб и стала жертвой предрассудков. Оставшись без защиты государства, подвергаясь периодически преследованию со стороны своего обидчика, она испытала страх и страдания и получила повторную травму, когда государственные органы, которые должны были выступать в роли ее защитника, в особенности полиция, отказались обеспечить ее защиту и не признали ее в качестве жертвы.

8. Действуя в соответствии со статьей 7 (3) Факультативного протокола и с учетом вышеизложенных соображений, Комитет полагает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и тем самым нарушило права автора сообщения, предусмотренные статьями 1, 2(b)–(g), 3 и 5(a) Конвенции.

9. Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

a) в отношении автора сообщения: предоставить автору сообщения надлежащую финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений ее прав;

b) общие положения:

i) принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая семейно-бытовое насилие, предусмотреть преследование *ex officio* за семейно-бытовое и сексуальное насилие и гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты, а также привлечение виновных лиц к судебной ответственности и наказание их надлежащим образом;

ii) восстановить уголовное преследование по делам о семейно-бытовом насилии по смыслу статьи 116 Уголовного кодекса;

iii) разработать протокол рассмотрения жалоб о семейно-бытовом насилии с учетом гендерных аспектов на уровне полицейских участков для обеспечения того, чтобы рассмотрение срочных или обоснованных жалоб

¹² По состоянию на 7 февраля 2017 года нанесение побоев «близким лицам» без причинения телесных повреждений квалифицировалось как административное правонарушение, а не уголовное преступление.

о семейно-бытовом насилии не откладывалось в порядке суммарного производства и чтобы жертвам в надлежащие сроки предоставлялась соответствующая защита;

iv) отказаться от практики выдвижения обвинения в частном порядке по делам о семейно-бытовом насилии с учетом того, что судебный процесс неоправданно возлагает бремя доказывания исключительно на жертв семейно-бытового насилия, с тем чтобы обеспечить равенство сторон в ходе судебного разбирательства;

v) ратифицировать Стамбульскую конвенцию;

vi) обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов, в том числе прокуроров, по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности общих рекомендаций № 19, № 28, № 33 и № 35;

vii) выполнять свои обязательства по обеспечению уважения, защиты и реализации прав человека женщин, в том числе права на защиту от всех проявлений гендерного насилия, включая семейно-бытовое насилие, запугивание и угрозы насилия;

viii) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все сообщения о насилии в отношении женщин по признаку пола, обеспечить возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности и применять к ним надлежащие меры наказания, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности;

ix) предоставлять жертвам насилия безопасный и оперативный доступ к правосудию, включая, когда это необходимо, бесплатную правовую помощь, с целью обеспечить их доступными, эффективными и достаточными средствами правовой защиты и реабилитации в соответствии с методическими указаниями, изложенными в общей рекомендации № 33 Комитета;

x) предлагать правонарушителям программы реабилитации и программы использования ненасильственных методов урегулирования конфликтов;

xi) разработать и принять при активном участии всех заинтересованных сторон, таких как женские организации, эффективные меры по искоренению стереотипов, предрассудков, обычаев и практики, которые оправдывают или поощряют семейно-бытовое насилие.

10. В соответствии со статьей 7 (4) Факультативного протокола государство-участник должно надлежащим образом рассмотреть мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представить Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета.